

поставил метафизика позади ученого. Нужно добавить, что в глазах оксфордских преподавателей сочинения самого Аристотеля были образцом науки в гораздо меньшей степени, нежели «Перспективы» араба Альхазена*. «Квадривий», изучение которого в Парижском университете уже почти ничего не значило, в Оксфорде, напротив, преподавался с большим тщанием, и для всех, кто должен был продолжать там свое образование, математика и астрономия не должны были оставаться пустыми словами. В то время, когда в Париже диалектический аристотелизм утвердился и одержал полную победу, задушив все, что еще сохранялось от интереса к математическим и естественным наукам, преподавание в Оксфорде подготавливало появление окка-мистского эмпиризма, который в XIV веке поколеблет томизм в том самом Парижском университете, где учение св. Фомы добилося самых блестящих успехов.

С другой стороны, если рассматривать сами учебные курсы и порядок присвоения ученых степеней, то представляется, что, несмотря на многочисленные местные варианты и множество нарушений правил в самом Париже, в глазах средневекового научного сообщества полная и образцовая научная карьера была типична именно для парижских преподавателей. В соответствии с уставом Робера де Курсона 1215 г. необходимо было проучиться не менее 6 лет и быть не моложе 21 года, чтобы преподавать свободные искусства; для права преподавать теологию нужно было проучиться не менее 8 лет и быть не моложе 34 лет. Студент факультета искусств сначала сдавал экзамен на бакалавра, затем — на лиценциата, после чего читал свою первую лекцию и получал степень магистра искусств. Если он хотел стать теологом, то сдавал еще три бакалавр-

ских экзамена (по Библии, трудам теологов-классиков и каноническому праву), затем — экзамен на лиценциата; тогда он мог стать магистром или доктором теологии.

Во всех средневековых университетах двумя основными методами обучения были лекция и диспут. Лекция в этимологическом смысле слова, который оно сохранило в английском и немецком языках, представляла собой чтение и объяснение того или иного текста — Аристотеля на занятиях по искусствам, Библии или «Сентенций» Петра Ломбардского — на занятиях по теологии. Из лекций подобного рода произошли бесчисленные дошедшие до нас комментарии, в которых простое объяснение текстов нередко содержит весьма оригинальные идеи. Что касается диспутов, то это были своего рода диалектические поединки, проходившие под председательством одного или нескольких преподавателей, несущих за них ответственность. Ставился вопрос, и каждый студент выступал «за» или «против» определенного решения с помощью аргументов, представлявшихся ему наиболее убедительными. После такого упражнения, которое могло длиться несколько дней, преподаватель суммировал и упорядочивал аргументы «за» и «против» и объявлял решение. Некоторые диспуты проводились регулярно через одну-две недели, и преподаватели, курсы которых они дополняли, старались выбрать для них темы таким образом, чтобы их совокупность составляла единое целое. От этих диспутов до нас дошли «*Quaestiones disputae*»**, которыми изобилуют средневековые сочинения. Другого рода диспуты проводились один или два раза в год, обычно накануне Пасхи или Рождества; отчеты о них воспроизведены в «*Quaestiones quodlibetales*»***, например у св. Фомы и Уильяма Оккама.

Отсюда становится ясно, какое глубокое влияние оказали на развитие средневековой философии учебные заведения и сама их организация. Нет, например, ни одного крупного произведения св. Фомы Аквинского — за исключением, возможно, только «Суммы

Глава VII. Греч, и араб, влияния в XIII в. и основание университетов